На правах рукописи

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

БЮЛЛЕТЕНЬ
АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ

ВЫПУСК
ТРЕТИЙ

ЛЕНИНГРАД
июнь 1963

5

ТУБЯНСКИЙ М. И.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

/Предисловие, подготовка и примечания Световидовой И.А. при участии Тубянского Л.И./

РАБИНДРАНАТ ТАГОР И ЕГО ТВОРЧЕСТВО.

Публикуемая в настоящем сборнике рукопись незаконченной статьи М.И.Тубянского "Рабиндранат Тагор и его творчество" написана в 1927 г.[1]

Михаил Израилевич Тубянский (1893-1943), талантливый советский востоковед, владевший монгольским, китайским, тибетским и несколькими индийскими языками (санскрит, хинди, бенгали), основное внимание обратил на изучение культуры древней и современной Индии.

Воспитанник восточного факультета ЛГУ, он работал старшим научным сотрудником Азиатского Музея АН СССР (1920-27), доцентом ЛИЖВЯ им. А.С.Енукидзе (1920-27), доцентом восточного факультета ЛГУ (1925-27). С 1927 г. по 36 г. он находился в командировке в МНР, где работал сначала научным сотрудником тибетоведческого кабинета Научно-исследовательского комитета (Учкома) МНР, а затем ученым секретарем Учкома (1930-36). Правительство МНР наградило М.И.Тубянского Монгольским Трудовым Орденом I ступени. По возвращении на родину, М.И.Тубянский сначала работал временным преподавателем индийских языков в КУТВ (Москва), а затем - старшим научным сотрудником ИВАН СССР в Ленинграде (15/IУ - 15/УШ - 37 г.). В 1937 г. М.И.Тубянский был арестован. В 1943 г. погиб в заключении. В 1957 г. посмертно реабилитирован.

Научная и педагогическая деятельность М.И.Тубянского отличается глубиной и многогранностью. Он преподавал санскрит, хинди, впервые в нашей стране ввел преподавание бенгальского языка, разработал программу, создал хрестоматию по бенгальской литературе и словарь к ней. Научные интересы М.И.Тубянского были устремлены в область религии, философии, литературы Индии. Особое его внимание привлекло творчество великого сына Индии, бенгальца Рабиндраната Тагора.

---

1. Подлинная рукопись ~~настоящей~~ статьи хранится в Архиве востоковедов ЛО ИНА АН СССР. Шифр: фонд 53, оп.I, ед.хр.6 и 7.

При подготовке ~~настоящей~~ статьи к печати большую работу по сверке рукописи с оригиналом, переводу и уточнению ряда цитат проделал брат покойного - Лев Израилевич Тубянский.

2.

М.И.Тубянский много сделал в области изучения и популяризации творчества Р.Тагора в нашей стране. Он был первым переводчиком писателя с бенгальского языка на русский[2], несколько его произведений перевел с английского языка[3]. Свои переводы М.И.Тубянский снабжал содержательными и интересными вступительными статьями и послесловиями, подробными примечаниями. Под его редакцией, с введениями и комментариями были изданы многие произведения Р.Тагора[4]. Знакомя советских читателей с творчеством писателя из далекой Индии, М.И.Тубянский вскрывал особенности его художе-

---

2. Р.Тагор, Маленькая поэма в прозе. Перевел с бенгальского М.Тубянский, - "Восток", кн.I, Петроград, 1922; Р.Тагор, Из Гитанджали. Перевод с бенгальского и предисловие М.Тубянского, - Восток, кн.5, Петроград, 1925; Р.Тагор, Свет и тени (сборник рассказов). Рассказы Тагора "Свет и тени", "Третья", "Покаяние", "Судья" переведены с бенгальского М.И.Тубянским. Л., 1926; Р.Тагор, Воспоминания. Перевод с бенгальского с введением и примечаниями М.Тубянского. Л., 1927.

3. Р.Тагор, Гений Японии. Перевел с английского М.Тубянский. Пг., 1919; Р.Тагор, Национализм. Перевел с английского И.Я.Колубовский и М.И.Тубянский; Р.Тагор, Фрагменты. Перевели с английского И.Я.Колубовский и М.И.Тубянский. Пг., 1923; Р.Тагор, Воспоминания. Перевод с английского, предисловие и примечания М.Тубянского. М.-Л., 1924.

4. Р.Тагор, Крушение (роман). Под редакцией и с введением М.И.Тубянского. Л., 1925; Р.Тагор, Голодные камни (сборник рассказов) под редакцией и с послесловием М.И.Тубянского. Л., 1925;

Р.Тагор, Гора (роман). Под редакцией, с введением и примечаниями М.И.Тубянского. Л., 1926; Р.Тагор, Свет и тени (сборник рассказов). Под общей редакцией и с примечаниями М.И.Тубянского (несколько рассказов в этом сборнике он перевел с бенгальского - см. примечание 2). Л., 1926;

Р.Тагор, Король темного покоя и другие пьесы. Под общей редакцией, с введением и примечаниями М.И.Тубянского. Л., 1927.

3.

ственного метода, объяснял его мировоззрение.[5] Произведения Р.Тагора, особенно его поэзия, часто непонятны без знания его философии. Философия Р.Тагора, складывавшаяся на основе творческой переработки различных философских систем Индии, сложная и недостаточно изучена даже в наши дни. Статья М.И.Тубянского "Р.Тагор и его творчество" - одна из первых попыток изучения философии писателя. Философия Р.Тагора рассматривается на широком фоне развития индийской философской мысли. Не вдаваясь в характеристику философских взглядов Р.Тагора и анализа их, сделанного М.И.Тубянским, отошлем интересующихся к нескольким работам о философии писателя, опубликованным у нас и за рубежом.[6]

Редакция сборника считает необходимым напечатать незаконченную статью М.И.Тубянского "Р.Тагор и его творчество", так как она интересна не только с точки зрения истории изучения философии и творчества Р.Тагора, но благодаря своей глубине является ценным вкладом в советскую индологию и заслуживает внимания востоковедов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Значком "x" отмечены сноски автора статьи, этим же значком отмечены сноски Л.И.Тубянского, но в скобках проставлены его инициалы - (Л.Т.).

Значком "+" отмечены примечания подготовителя статьи.

---

5. Положительная оценка деятельности М.И.Тубянского - исследователя творчества Р.Тагора содержится в статье В.А.Новиковой "Рабиндранат Тагор в русской и советской критике и переводах", - Сборник "Рабиндранат Тагор", М., 1961, стр.332-333.

6. Hiranmay Vandyopādhyāy, Ravīndra - darśan, Kalikātā, 1956;
S.Radhakrishnan, The philosophy of Rabindranath Tagore, London, 1919;
А.Д.Литман, Философские взгляды Рабиндраната Тагора, - Сборник "Рабиндранат Тагор", М., 1961. (Последнюю статью следует отметить особо: в ней кратко и четко с марксистских позиций дается анализ основных сторон мировоззрения Р.Тагора.).

М.И.ТУБЯНСКИЙ

РАБИНДРАНАТ ТАГОР И ЕГО ТВОРЧЕСТВО.

I. Вступление.

Говорить о Тагоре - дело трудное и почти невозможное по своей сложности для того, кто хочет не только и не просто восторгаться или столь же просто критиковать, а кто хочет понимать. Ибо для понимания здесь много задач, и задач научно пока почти неразрешимых. Ибо тема Тагора требует постановки старой и все еще достаточно новой темы: В о с т о к и З а п а д. Мы должны были бы, для полного выяснения того, что такое Тагор, во-первых достаточно хорошо знать Восток, в данном случае Индию, а знаем мы ее очень мало. Это необходимо было бы для нас потому, что ведь Тагор вырос в индийской духовной среде, пишет на одном из индийских языков /на бенгальском/, и мы, собственно, должны были бы вполне точно знать, что говорили до него другие индийские поэты и мыслители, или какая мудрость живет в живой речи народа, для того, чтобы иметь возможность разрешить хотя бы такой элементарный, казалось бы, вопрос: что из того, что говорит Тагор, принадлежит действительно ему лично и что воспринято им из среды? Но для понимания Тагора этого еще мало: надо знать для этого не только Индию, но и Европу. И это по двум причинам. Во-первых, Европа, в лице особенно английской литературы, также явно оказала немалое влияние на Тагора, и надо иметь возможность определить, чем он ей обязан и какова степень его самостоятельности по отношению к ней. Во-вторых, Тагор ведь теперь

2.

уже не только индийский, но и мировой писатель. В переводах он вошел уже едва ли не во все ныне существующие литературы культурных народов и всюду имеет "успех". Роль его поэзии в современной мировой литературе, несомненно, довольно значительна, и для того, чтобы понять ее, чтобы знать, чем он привлекает к себе умы, надо знать и современную мировую литературу, надо иметь возможность дать себе отчет в современной духовной ситуации в разных странах европейского мира. Эта вторая задача изучения Европы на первый взгляд кажется легче первой: изучения Индии, особенно, если на первых порах, как это и было бы справедливо, ограничиться немногими важнейшими из европейских стран.

Но известна ли в достаточной степени духовная история с о в р е м е н н о й Европы, включая непосредственно предвоенную эпоху, скажем лет за 30 до войны, включая войну и революцию, и все современное положение?

Надо прямо сказать, что, если для с о в р е м е н н и к о в их собственное время всегда не вполне обозримо, то тем более для нас - после всех событий последнего времени.

Громадные р о к о в ы е проблемы встали теперь перед европейским миром, и никогда еще, быть может, его сущность, даже его прошлое, породившее все эти проблемы, не были столь загадочны. Поэтому определить, на какие именно устремления европейской души отвечает поэзия Тагора, равно как и чем он обязан ей, дело весьма трудное.

Но, во-первых, никто еще не писал истории европейской культуры в видах сравнения ее с дальневосточной и индийской, никто этого сравнения еще не производил, а совершенно очевидно, что многое, очень многое в европейской культуре представилось бы нам в совершенно ином свете, если бы у нас была возможность сопоставить одно

3.

с другим. Эта задача неизбежна, ибо сравнительный метод - это категорическое требование науки. Мы не можем достаточно уверенно судить ни об одном явлении европейской культуры, пока оно является для нас единственным в своем роде, и его не с чем сравнивать, как нельзя судить об языке, если знать только один из языков - свой собственный. Но забудем пока о требованиях сравнительного метода и спросим другое: известна ли нам просто хотя бы с фактической стороны,+

Нам здесь не приходится и думать о том, чтобы хотя бы приблизительно обозреть все те области, о которых мы упоминали. То, что мы могли бы попытаться здесь сделать - это одно: наметить важнейшие основные линии.

II. Три направления индийской религии.

Итак, прежде всего , об Индии вообще. На том далеком, географическом и моральном расстоянии, которым мы отделены от Индии, она представляется нам поневоле как нечто целое. Но если мы посмотрим на нее через телескоп науки, картина совершенно изменится; перед нашим взором предстанет такое неисчерпаемое разнообразие, что об единстве, о целостности мы сначала забудем и думать, а потом, когда снова всплывет вопрос о том, что же именно объединяет собою все это разнообразие, то мы увидим, что найти это общее чрезвычайно трудно, а может быть и невозможно, если не считать чисто топографического определения. В самом деле, по цвету кожи, по типу лица и фигуры, по языку, по монетам, по обычаям, по религии и культуре - во всех отношениях жители различных частей современной Индии, иногда двух соседних районов или городов, отличаются друг от друга чрезвычайно резко, и такое же разнообразие найдем мы и в индий-

+ В этом месте у автора пропуск.

ском прошлом, в отличии эпох и веков. Если мы ограничимся в частности областью одной духовной культуры, то надо будет сказать, что количество учителей, мыслителей, поэтов, пророков, совершенно различных, часто враждебных друг другу направлений, было во все времена чрезвычайно велико; количество различных философских школ и религиозных сект не поддается учету.

Однако нельзя сказать, чтобы эта интенсивнейшая умственная жизнь представляла собой сплошной хаос. При более внимательном изучении, в ней откроется и возможность известной классификации явлений, которая, конечно, будет тем более совершенна, чем больше мы будем знать. Среди многих боровшихся и борющихся в Индии направлений мы можем для нашей цели выделить три основные группы, которые мы попытаемся вкратце охарактеризовать.

То направление индийской религиозно-философской мысли, которое пока наиболее известно в Европе благодаря Шопенгауэру и его последователю Дейссену, мы назовем аскетическим имперсонализмом. Это то воззрение, которое отвергает мир, отвергает личное божество, как и ценность личности вообще, жизнь человека в мире, объявляет мир бессущностным, пустым; все мирское - - полным страданий, скоропреходящим, мгновенным; учит человека отрекаться от всех жизненных ценностей, от всех привязанностей, от всех видов любви, уйти в себя, погрузиться в одинокое терпеливое созерцание бесцельной и тяжкой суеты мира и противостоящего ему покоя нирваны или брахмы, и, в конце концов, достичь цели, спасения: вечного нерушимого покоя[x]. К этому направлению принадлежит наиболее влиятельная доныне в Индии философская школа так называемой Веданты, получившая законченное свое оформление в учении Шанкары, философа 9 века нашей эры.

---

x/ Некоторые из школ, принадлежавших к этому направлению, развили специальное учение о том, что весь мир есть лишь иллюзия, от которой надо освободиться; иллюзия по санкритски - майя, отсюда название майя вада.

5.

Но было с древних времен в Индии и обратное направление: п е р с о н а л и з м, принимавший мир и жизнь в нем, признававший и ценность человеческой личности и ценность любви. Мало того, в любви человека к божеству и божества к человеку /и миру/ он видел главную идею религии, а в земной любви - символ этой божественной любви. Эта персоналистическая религия представлена в Индии в виде так называемого вайшнавизма,+ религии вообще почитавшей бога Вишну, в особенности почитавшей его воплощения, важнейшим из которых является его воплощение в человеческом образе Кришны. Ее можно назвать р е л и г и е й л ю б в и по преимуществу.

Наконец, было еще другое индийское направление - так называемый шактизм - культ ш а к т и, или дэви, т.е. богини. С точки зрения шактизма сам мир есть божество /"космотеизм"/, божественная жена-мать; мир для него есть не м а й я, а м а т а. Шактизм признает мирскую жизнь, ибо для него она есть дар матери; богиня-мать дает своим детям и земную радость / bhakti / и конечное спасение /mukti/ - успокоение в своем лоне. Для богини, д э в и, почитаемой в этой религии, особенно характерна коренная двойственность ее облика. Она, с одной стороны, любящая / Karuṇāmayī / мать всех существ, богиня любви, эроса / Kāminī /, мать-кормилица / Annapūrṇā /, защитница, спасительница /Tārā /; но с другой стороны, она же - в другом своем облике - недоступная / Durgā /, страшная / Karālī /. Ее наиболее распространенное имя / Kālī / имеет два значения: I) черная;, 2) время, в смысле смерти.

Если имперсоналистический аскетизм и вайшнавизм в той или иной мере кажутся нам понятными и, может быть, привлекательными, то гораздо страшнее и непонятнее для нас эта р е л и г и я с т р а ш н о й м а т е р и. Почему, откуда они взяли, что богиня- мать

+Сейчас в литературе чаще употребляется термин "вишнуизм".

6.

должна быть так страшна? Можно пытаться это объяснить какой-то чисто индийской психологией, но этому противостоит то, что, как показывает история религий, всюду, где является материнское божество, оно неизменно принимает этот двойственный облик.

В древности и Европа знала материнскую религию, чтившую грозную богиню на колеснице, влекомой львами. Это совмещение противоположных черт: материнства и свирепости - было непонятно уже и античным людям. Лукреций говорит о Великой Матери, что

> Греции древней поэты когда-то ее представляли
> На колеснице большой, парой львов приводимой в движенье.
> /перевод Рачинского "О природе вещей", 1904, стр. 53-54; II, 601 - 605/.[1]

и гадает, что

> Диких зверей приобщили сюда в знак того, что потомство
> действием нежных забот материнских должно приручаться.

Лукреций не понимал, почему мать изображается в таком суровом виде; его объяснения крайне наивно. Но очевидно, что в основе столь широко распространенного явления, как "религия страшной матери" должна лежать какая-то психологическая закономерность, свойственная людям вообще.

Эта закономерность разгадана была на материале античных религий Бахофеном; затем снова, и независимо от него, Дитерихом; разгадка эта вполне подтверждается и индийскими религиозно-историческими материалами. Может быть, самый простой способ ее изложения заключается в следующем.

Когда мы говорим о материнской религии, то для нас, близко знакомых только с европейскими формами современного теизма, образ м а т е р и в религии представляется лишь символом такого же типа как образ отца, нам иногда представляется, что разница эта не так уж существенна. Но для древнего человека то обстоятель-

7.

ство, что именно мать физически вынашивает и рождает дитя, является решающим коренным различием. И вот для этого древнего сознания проблема рождения человека, его появления на свет из материнского лона, тайна этого рождения является не только благостной тайной; она вызывает в нем не только умиление, как его вызывают и последующие за рождением материнские заботы: она вызывает в нем страх вследствии своей близости к тайне смерти. Откуда человек явился? Не из той же ли неведомой пучины небытия, куда он исчезнет после смерти? Заглядывая в мрак рождающего материнского лона, видит он в нем бездну смерти, и образ матери облекается перед ним в "суровые покровы ужаса", - она предстает ему носительницей не только тайны рождения, но также и смерти. Так его мать-родительница из обыкновенной земной женщины вырастает перед ним в образ Матери-Земли, дающей грандиозное оправдание его догадке: ведь живые существа вокруг него, рождаясь из земли, возвращаются в лоно земли и из него же возникают вновь. Земля-колыбель, "лоно рождений", но она же и могила. Она, с одной стороны, рождает и лелеет своих детей, питает и пестует их; она - любящая мать; но она же - жадное чрево смерти, ненасытная утроба преисподней. Отсюда идея, что верующие в нее могут обеспечить себе милость богини и отсрочку своей смерти, жертвуя Ненасытной другие жизни - не свои, а животных, или людей. Отсюда же идея, что богиня любит войну, что она - богиня войны.

Таков страшный мир и страшное божество древнего человека. Древнего ли только ? В Индии этой страшной богине и доныне приносятся кровавые жертвы. В великолепном европейском городе, Калькатте+, богатом всеми достижениями европейской культуры, в

+ В настоящее время принято написание "Калькутта".

8.

громадном храме на набережной реки Хугли доныне ежедневно проливается кровь коз. /Раньше лилась и человеческая/.

Но эти два облика богини: Аннапурна и Кали не всегда мирно уживались друг с другом. Их двуединство образует основной, центральный, исторически исходный образ богини /дэви/. Но религия богини имеет длинную и сложную историю, и в ней нередки были попытки отделить эти два облика, отсечь злой и оставить только добрый. Мы не раз слышим в истории культа богини, как является в каком-нибудь городе, в знаменитом своими обильными жертвоприношениями храме, смелый реформатор, которому удается прекратить жертвоприношения, ссылаясь на то, что М а т ь н е х о ч е т к р о в и, что она любит свои создания. В случаях подобных реформ надо предпологать, что импульс исходит от влияния какого-нибудь соседнего вайшнавитского, буддийского /до XII в./ или джайнского центра. Страшный образ богини исключается, и на ее место воцаряется либо Любящая Мать, либо обольстительный небесный пастушок Кришна со своей флейтой, завлекающей души /Ассам/.

Вышеназванные три направления: имперсонализм, вайшнавизм и шактизм издавна существуют бок о бок; понятно, что не обходилось между ними /как я только что упомянул/ без борьбы и без взаимных влияний. И если мы на третьем остановились дольше, то это не только потому, что оно менее понятно, но и потому, что оно сильнее других влияло вокруг, и сильнее других пропитывает собою всю индийскую духовную атмосферу /см.М Noble, Avalon, Bergaigne /2.

Но в чисто количественном смысле наиболее распространенными в Индии являются известные формы персонализма, теизма; культ определенных конкретных божеств, в виде своих кумиров; причем способом служения является обслуживание кумира, медитация над ним и над его священными формулами; целью же культа является удовлетво-

9.

рение разных просьб, а главным образом загробное спасение, которое мыслится в виде сокращения числа перерождений и попадания в рай, либо в духе нирваны, причем в последнем случае божество является путем к нирване.

Ш. Религия Тагора

I/ Критика имперсонализма

Тагор родился в Калькатте в 1861 г., в середине 19-го века в ту эпоху, когда европейское влияние в Индии впервые начало реально сказываться; родился в Бенгалии, наиболее передовой из индийских стран, более других оказавшейся способною к усвоению европеизма; родился в среде не только насыщенной богатыми традициями общеиндийского прошлого, но и концентрировавшей в себе импульсы всех духовных устремлений своей нации и эпохи: как европейское влияние, так и ответное на него движение индийского духа /см."Воспоминания"/[3] Юный Тагор вступил на поприще литературной деятельности в эпоху, ознаменованную в Бенгалии тремя, как он их называет, "революционными движениями": I/ религиозной реформой Брахмо-Самаджа, 2/ пробуждением индийского национализма и 3/ реформой бенгальского литературного языка, исходившей от знаменитого бенгальского писателя Чатудже.+ Мы не можем говорить о богатом прошлом бенгальской литературы, не говоря уже о санкритской, - но мы постараемся показать, как в мотивах творчества Тагора ожили в новом обличии, в свете новой эпохи те же древнеиндийские - они же и общечеловеческие проблемы; как, в лице Тагора, Индия участвовала в общей духовной жизни нашего времени, как она отвечала на его требования и как встретила событие войны.

+ Англизированное произношение фамилии классика бенгальской литературы Банкимчандра Чаттопадхая (1838 - 94)

10.

В 1828 г. знаменитый индийский реформатор и основатель современной бенгальской литературы Рам Мохан Рай основал в Калькатте так называемый Брахмо-Самадж, т.е. общество брахмаистов. Брахмаист - поклонник Брахмы; Брахма - древне-индийское обозначение Абсолюта. Мы выше упоминали о Брахме, как о синониме нирваны, как о центральном понятии индийского имперсонализма. Но Рам Мохан Рай придал этому слову новое значение; он обозначил им то понятие божества, которое он внушил основанной им общине, а именно, понятие абсолюта, в смысле персоналистического пантеизма, или космотеизма x/. Для него Брахма означал уже не безличный Абсолют в смысле нирваны, а личную живую душу мира, с которою индивидуальная человеческая душа может вступить в живое взаимное общение. Вместе с тем Рай и его Брахмо-Самадж отвергали все господствовавшие тогда формы индийского культа и догмы: многобожие, служение кумирам, идею перерождений; их культ отныне должен был состоять только из молитв и гимнов. Таковы главные черты этой общины, сохранившейся до настоящего времени; она насчитывает очень незначительное число членов, но тем не менее сыграла важную роль в духовной жизни Бенгалии и Индии, так как к ее составу принадлежало много выдающихся индийских деятелей. В 1842 г. в общину вступил Дэбэндронат Тагор, будущий отец Рабиндраната, и активно руководил судьбами этой общины до самой своей смерти /1905 г./. Рабиндранат вырос таким образом в духовной атмосфере Самаджа, и в его личной истории Самадж является отправным пунктом в вопросах религиозного мировоззрения. Можно сказать, что основною задачей его мышления была конкретизация, обогащение основных идей Самаджа.

---

x/ Созданное им на почве вайшнавизма, и не без влияния как суфизма, так и христианского монотеизма, в особенности унитарианского.

II.

Тагор не устает восхвалять Рая за его реформу понятия Абсолюта, за его отказ от аскетического имперсонализма. Но последний оставался и доныне остается наиболее общепризнанной позицией, как вследствие трудно поколебимого философского авторитета Шанкары, так и вследствие морального авторитета аскетизма как такового. Правда, в истории Индии борьба против аскетизма неоднократно уже предпринималась. И вот в деятельности Тагора, особенно в ее начале, эта борьба занимает видное место.

Знаменито одно из его стихотворений, имеющее прямо полемический характер: Bairāgya sādhane mukti se āmār nay (Naibedya, № 30) / Gītāñjalī, № 73/[4]

Спасение в бесстрастии аскета - не мне искать.
В сладости бесчисленных уз
Отведаю я вкус спасения. Этой земли
Бренный сосуд наполнив многократно,
Ты будешь поливать мне твой нектар
В цветах и ароматах.
Подобно светильне
Весь мой мир мириадами фитилей
Засветит твой свет твоими огнями
В твоем храме.
Врата чувств
Закрыв, созерцать - не мой удел.
Моя слепота x/ засветится спасеньем,
Моя любовь расцветет верою. /1901/

Те сладкие узы, о которых говорит здесь поэт - это узы любви.

---

x/ mohā - понятие догматическое.

12.

И главное его оружие в борьбе против имперсонализма - это любовь. Этой теме посвящена им специально его первая вполне зрелая драма "Месть природы" /"Отшельник"/ /1883/.[5] В этой драме изображен отшельник, который является отомстить обманчивой природе - майе, прозрев и презрев ее; он стремится отрезать все нити желаний и привязанностей. Когда он встречается с одинокой девочкой-сиротой, ищущей участия и любви, он проповедует ей свою философию. "Разве ты не знаешь, - говорит он, - что этот мир есть бездонная пучина? Рой созданий, выходя из лона небытия, ищет приюта и входит в зияющую пасть пустоты - и исчезает бесследно." Девочка его не понимает. "Духи лжи,-говорит он,- разбивают кругом тебя свой рынок обманов, и пища, что продают они, лишь тень. Она только обманывает голод, а не утоляет. Уходи оттуда, уходи." Почувствовав, что его внутреннему миру грозит опасность от ее упорного "непонимания", аскет покидает ее; девочка, разуверившаяся в жизни, умирает. Между тем ее страдальческий образ стоит перед ним во время его странствий, и под конец подтачивает твердыню его отречения. "Он понял, что великое обретает себя в малом, бесконечное-в гранях форм, а вечная свобода души - в любви." Но, когда он вернулся, он уже не нашел своей маленькой учительницы. Такова была месть природы ему. "Эта пьеса,-говорит Тагор в своих "Воспоминаниях",-может быть рассматриваема как введение ко всей моей последующей литературной деятельности; или, вернее, это была тема, к которой тяготели все мои писания: радость обретения бесконечного в конечном" /гл. 37/.

Задача Тагора определяется таким образом, как защита и оправдание конечного, ограниченного, посюстороннего против того опорочения его, которое производится индийским аске-

тизмом. Против превращения мира в бесцельную игру, в мираж, в бессущностную иллюзию, в м а й ю, он возражает в великолепном сонете Māyābād :[5a]

О безрадостная страна, в своей ветхой старости
Неся бремя осознания, ты мнишь,
Что поддались божественному обману
Твои умные провидящие глаза;
Со своим остро-отточенным умом - былинкою
Без дела сидишь ты день и ночь в углу дома
И мнишь ложью вседержащую землю
Все бесконечное творение небес с их планетами и звездами.
Из века в век скот и птицы, все живое
В непоколебимом доверии здесь живут,
Чтя в божьем мире материнское лоно;
Лишь ты - дряхлая - ни во что не веришь.
Это всемирное торжище миллионов существ
Для тебя лишь одна детская игра.

2/ Материнство

Так мы видим, что Тагор противопоставляет м а т е р и н с т в о мира или бога идее м а й и. Что эта идея материнства не является только с р а в н е н и е м, только о б р а з н ы м в ы р а ж е н и е м - это поэт прямо заявляет в одной своей речи, произнесенной им в его школе в Шантиникетане /вып.XII/[6]: "Человек, - говорит он там, - называет это невыразимое, недоступное, безбрежное /мир как божество/ с в о и м. Почему? Потому, что есть одно мгновение /в жизни/, когда оно становится чудесно доступным -это первое мгновение после нашего рождения. Человек рождается из лона

матери - вот великое и первое событие в жизни человека. В это первое мгновение его права бесконечны; ради него может быть отдана другая жизнь - столь велика эта любовь, что ждет его, какова его цель в мире. И когда мать рождает его, весь этот обширный мир ему родной, иначе у него не могло бы быть и этой его матери. Та связь с миром, которая создается у него после рождения, это не есть только внешняя фактическая связь - это связь родства и дружбы. То неведомое, что в одно мгновение принимает его как родного - это что? Эта та бесконечная любовь, которая каждого знает и каждого признает своим."

Та же идея выражена в одном стихотворении в следующих словах / Naibedya , 89; Gītāñjalī, 95/:?

"Миг, когда через царские врата жизни
Я вступил в великую обитель мира,
Неведомый мне. Какою силой
Расцвел я в лоне безбрежной тайны,
Как полуночный цветок в лесу?
На рассвете, подняв голову,
Раскрыв очи, увидел я землю,
Увитую золотыми лучами, одетую лазурью,
Весь мир, сотканный из радости и страдания, -
И та Неведомая, безграничная
Тайна
Обернулась ко мне материнской
грудью,

Близко родная, безраздельно моя!
Без-образная, запредельная, грозная Сила
Раскрылась мне в образе матери.

Так мы видим, что мир или бог, для Тагора неразделимо, есть

15.

любящая мать, и что его воплощением, представительницею, заместительницею /по слову Бахофена/является для человека его мать-родительница.

Эта идея материнства божества является в более или менее явной форме руководящей идеей Тагора. В драме "Малини" Суприя говорит /англ.пер.,р.97/,[8] обращаясь к представителю индийской ортодоксии: "Ваши священные книги остались немыми для меня..... Я по-новому прочел древнюю книгу мироздания и познал, что истинная вера там, где человек, где любовь. Ее источает мать в своей преданной любви, и она возвращается к матери от ее ребенка. Она нисходит в даре дающего и отдается в сердце того, кто принимает этот дар. Я принял узы этой веры, которая раскрывает бесконечное в человеке."

Таков этот так называемый "пантеизм" Тагора: не абстрактный пантеизм, а конкретное живое восприятие, дающее поэту и мыслителю неисчерпаемое вдохновение.

3/ Плоть

Если для Тагора божества нет вне мира, то, очевидно, что для него, как и для всякого, так называемого, "пантеиста," мир уже тем самым является оправданием. Но идея материнства придает этому оправданию особое конкретное содержание; она оправдывает не только мир вообще, она освящает самую плоть мира; она делает Тагора поэтом природы, как плоти мира, в гораздо более богатом и содержательном смысле, чем это можно бы думать, исходя из абстрактного пантеизма.

В самом деле, идея материнства неразрывно и глубоко связана с идеею плоти; недаром и неслучайно латинское слово материя этимологически близко к латинскому же слову

16.

mater - мать. В повести "Четверо" героиня ее, Дамини, в ответ на вопрос, зачем она так заботится о теле любимого ею человека, отвечает: "Я ведь женщина - наше назначение создавать т е л о своим телом, своею жизнью; в этом наша особая гордость. Вот почему наша душа страдает, когда мы видим страдание тела /Caturaṅga p. 96-97/.[9]

Такое отношение к плоти, вытекающее из идеи материнства, по-новому освещает тот отказ от аскетизма, о котором мы говорили с самого начала. Но отсюда становится ясным, что и отношение к плоти м и р а, к матери в о о б щ е, должно быть у нашего поэта тоже менее всего отрицательным. А.К.Чакрабартти, лучший доныне критик Тагора, говорит, что, если общей характеристикою Тагора, объединяющей его со многими другими, является пантеизм и любовь к природе, то специальной его чертою является его высокая оценка плоти мира. Чакрабартти приводит выдержку из одного письма Тагора, которую и мы в нашей связи не можем обойти:

"С этими травами, кустами и лианами, с реками, с ветром, со сменою света и теней, с движением светил, с бесконечным круговоротом жизни на земле - со всем этим мы связаны некою пуповиною. Мы положены на тот же размер, как и все вокруг: вот почему наша душа откликается на паузы и ударения вокруг. Если бы все молекулы и атомы мира не были родственны нам, если б бесконечное время и пространство не дышали жизнью и блаженством, то прикосновение с этим внешним миром не давало бы нам той радости, которую оно дает. У н а с н е т р о д о в о г о о т л и ч и я о т т о г о, ч т о м ы н а з ы в а е м н е о д у ш е в л е н н ы м в е щ е с т в о м /jaṛa / и т о л ь к о п о э т о м у м ы в х о д и м в с о с т а в о д н о г о с н и м м и р а; иначе сами собою создались бы два отдельных мира" /Cakrabarttī,

17.
Rabīndranāth, p.12/.

4/ Земля

Но если м а т е р и я - п л о т ь вообще есть общий принцип, то в частности з е м л я есть уже нечто конкретное. Если мать является живым воплощением Всематери, то земля, стоящая между ними, является наиболее близкой и естественной кристаллизацией вселенской плоти, наиболее доступным и осязаемым телом Всематери. Земля не отделяется, не отличается от мира, как целого, от неба; напротив, не только атмосферные, но и небесные явления суть то, что видно с земли /и только с нее/ е е достояние, е е убранство. И вот земля становится для Тагора важнейшим выражением материнского мира, важнейшим объектом религиозно-поэтического преклонения; Тагор - поэт земли, и его религия раскрывает нам в свете современного нашего сознания т у религию земли, которая была древнейшим пластом не только индийских, но и античных религий.

"О прах земной, - говорит Тагор, -
Ты всех ниже держишься, чтобы самые отверженные существа
Прижимать к груди своей. Терпя от всех унижения,
Ты, земля, никого не унижаешь ....
Ты всех лелеешь в своем доме;
Себя ты прячешь, запятнанную,
А красоту выставляешь на свет;
Самая сухая и жесткая, расстилаешь ты нежность и мягкость.
О нищая, богата ты алмазами и хлебом и дарами!
О самозабвенная, растоптанная бесчисленными шагами,
Забвенного укутываешь ты своим покрывалом."
/Citrā, Dhūli /[10]

I8.

В другом месте он говорит:

"Я отвергаю человеческую гордость.
Глядя на твое нежное смуглое материнское лицо,
Люблю я самый прах твой!
Я не отвергну земное лоно, родившее меня,
Я не стану искать неба и спасения!"

/ Sonār Tarī , Ātmasamarpaṇ ,p.207/[II]

В стихотворении "Прощание с небом" /т.е. раем etc. / поэт говорит:

"Улыбайся небо! Упивайтесь нектаром,
Боги! Небо - ваш рай:
Мы там чужие. Земля - не небо,
Но она нам мать." /p.84/[x/]

.....

"В слезах ее очи, удрученной скорбью, запыленной матери" -
/p.86/[I2]

.....

"Твое синее небо, твой свет,
Твои людные торжища; вдоль рек
Длинные песчаные берега, на синих главах гор
Белые полосы снегов; сквозь ряды деревьев
Безмолвный свет зари" -

вот образы, встающие перед сыном земли, возвращающемся с неба /см. также Sonār Tarī , I77 Śyāmalā vipulā /[I3]

В его большой поэме "Земля" / Sonār Tarī , I86 и сл./ мы читаем:

"Я хочу слиться с твоим прахом;

---

x/ См. Balākā , № 24 /p.70/: не небо хочу, а землю.

Хочу распростереться во все стороны.....

....плещась, журча,
Дрожа, скользя, ширясь блестя,
Трепеща, вздрагивая светом и восторгом,
Растекусь по всему твоему миру,
От края до края...." /I86/

...."с водою речных потоков
Смешавшись, меж двух берегов
Все в новые селения людей понесу дар
Утоления жажды, журча тихой песней
Днем и ночью. По лону твоему
От восточного океана до западного моря
Раскинувшись высоким кряжем,
Паря над своими недоступными тайнами;
В жестком каменном лоне, под острым ледяным взором
Тайно взращу новые племена людей"..... /I90/

....."Ночью тихо, тихо
Неслышными шагами, обернувшись всеобъемлющим сном,
Веки всех твоих животных и птиц я буду гладить пальцами;
Во все опочивальни,
Во все гнезда, во все хижины, во все пещеры
Проникая широким покрывалом,
Распростершись, я покрою все нежным мраком,"
/р. I92-I93/[15]

Земля для поэта - главная реальность всего, что совершается на ней, и ее глубокая мелодия торжествует над нестройным шумом жизни. Все, что делал человек на земле, все воздвигнутые им троны славы, все нестройные башни человеческой гордыни, равно как и небо-

20.

скребы современного царства денег - все это обречено рассыпаться обломками и зарасти травами земли / Caturaṅga , p.86; Tārā geche, Sonār Tarī , p. I77/.[16] Но не так песни людей - они остаются, и ими краше земля:

"Они ушли, и лишь их песни
Дары их рук /земли/
Бесчисленные во многих странах
Еще носятся/над нами/
.....
Скольких людей любовью увенчанная,
Скольких дней счастьем украшенная,
Скольких веков песнями умащенная,
Прекрасная земля!" /I77-I78 Sonār Tarī /.

И про себя поэт говорит:

"Разве моей радостью
Не зеленее станут леса,
Разве в утреннем свете
Не задрожат новые лучи? Моим восторгом
Окрасятся небо и земля,
Краскою сердца моего..... /I96/
.....
Всем, что у меня есть,
Я буду украшать тебя.
Разве в струях реки
Не услышит моей песни чье-то чужое ухо
С берега? Разве в свете зари мою улыбку
Не увидит твой сын,
Восстав от сна? Через сто лет
В куще листьев этого гордого леса
Разве не будет трепетать моя жизнь?" /I97/[17]

5/ Смерть и мир

Выше мы упоминали о том , что с точки зрения аскетического имперсонализма, изменчивость, неустойчивость земной жизни является доказательством ее тщеты, ее никчемности, бессущности и иллюзорности; эта преходящность служит важнейшим мотивом для отказа от мира , от мироприятия. Мы приведем образец из одного древнеиндийского поэта-буддиста /Дарматрата/: "Из многих людей, виденных по утру, многих уже не увидишь ввечеру.

Многие гибнут молодыми:
Что пользы в жизни?
Одни умирают в утробе,
Другие-едва родившись
Иные - ползая;
Иные - когда научатся ходить;
Старики и молодые
Люди во цвете юности,
Один за другим беспрестанно
Падают как созревшие плоды. . .
Как поток быстрой реки не вернется,
Так и жизнь невозвратима:
Труды, беды и страдания
Смывают ее, как буквы на воде;
Как пастух гонит стадо домой палкою,
Так болезни и старость гонят людей к царю смерти."

/перевод Васильева - из машинописного экземпляра "Литературы Хинаяны", стр.54/[18]

Но если эта картина для имперсоналистической религии является причиною отказа от земли, от мира, то для Тагора н а п р о т и в:

"Бедная ты, - говорит поэт Земле, -

22.

И потому лишь больше я тебя люблю,
О, вседержительница, твоя любовь оттого дороже мне;
Вижу на скорбном лице твоем жалостную улыбку,
И великая скорбь встает в моем сердце.
Кровью своей груди
Даешь ты жизнь телу твоего дитяти;
Днем и ночью смотришь ты на его лицо,
Но бессмертия не в силах дать вся твоя любовь!"
/Sonār Tarī/ Daridrā /[19]

В другом стихотворении говорится:

"Я бедный сын бедной земли.
.....
Все, что ты создаешь, гибнет.
.....
Ты не в силах оправдать надежд, -
Неужели за это я покину твою горестную грудь?"
/ Akṣamā /[20]

В поэме "Не отпущу" / Sonār Tarī 71, сл./[21] поэт рассказывает сначала о том, как ему по делу надо было уехать из дому, из деревни, и как, когда он уже был готов к отъезду, его маленькая четырехлетняя дочка сказала ему: "Не отпущу." По дороге, обзирая вокруг картину земли, поэт видит в ее лице затаенную скорбь:

"В какую глубокую скорбь погружено все небо,
Вся земля. Куда бы я ни шел,
Я слышу один лишь пронизывающий возглас:
"Я не отпущу тебя". От края земли
До берегов синих туч
Звучит от века нескончаемый вопль:
"Не отпущу, не отпущу". Все

23.

Говорит: "Не отпущу". Даже травки и былинки –
И их прижимает к сердцу матерь-Земля
И шепчет горячо: "Не отпущу!"
.....
Застилает небо и землю
Древнейшее слово, глубочайшее
Рыдание: "Не отпущу!" Увы!
Придется отпустить, нет силы сдержать!
.....
И все же любовь говорит:
"Я не позволю отнять мое право. Я на него
Получила скрепленный подписью великий договор".
И пред вздувшейся гордыней
Всесильной смерти
Стоя, нежная тонкая фигурка
Говорит: "Смерть, тебя нет!" Какая смелость!
Смерть покатывается от хохота"....

И вот:

Сидит Земля с распущенными волосами
На широком зеленом поле на берегу Ганги
.....
..... неподвижные очи
Устремив в далекую лазурь; безмолвные уста.
Я увидел ее скорбный лик
В этой опершейся о косяк, молчаливо замершей
Четырехлетней моей девочке."

В другом стихотворении / Durlabh janma , Caitāli , p.13;[22] Cakrabarttī, Rabīndranāth, p.37/ поэт говорит, что он помнит о предстоящей в смерти разлуке с землей, и поэтому на все смотрит жадными очами:

"Все, что я вижу, для меня необычайно;
Все кажется мне драгоценным:
Драгоценна каждая пылинка этой земли,
Драгоценно самое жалкое существо этого мира."

Таким образом, мы видим, что смерть оказывается для Тагора существенным, неотъемлемым элементом мира, без которого он потерял бы всю свою притягательность, весь свой смысл. "Когда я увидел образ вселенной на фоне смерти, он показался мне ослепительно прекрасным", - говорит Тагор в "Воспоминаниях /гл.42/.[23] Всеединматерь Тагора есть в такой же степени богиня Смерти, как и богиня жизни.

6/ Смерть и личность

Но неужели это единственный ответ на смысл смерти л и ч н о с т и? Все произведения Тагора свидетельствуют о том, как упорно искал он смысла смерти, смысла и н д и в и д у а л ь н о с т и. В этих поисках своих он был изумительно одинок. Вокруг него вся духовная атмосфера пропитана была настойчивыми внушениями индийских оккультных и неоккультных теорий загробного существования души; в мудрецах, с непререкаемым авторитетом провозглашающих разгадку всех тайн жизни и смерти, в Индии никогда не было недостатка. Но Тагор не примыкал ни к какой традиции: " один в мраке бродил я ощупью, - говорит он в "Воспоминаниях" /гл.42/, - пытаясь отыскать подпись или знак на чернокаменных вратах смерти."[23а] Тагор в следующих словах объясняет ту причину, по которой он отвергал все индийские метафизические теории:

"Я знаю:
Счастьем и горем, смехом и рыданиями
Переполнена эта жизнь; суровы ее узы
.....
Я знаю, что в бурном море мира

25.

Кому выпадает на долю нектар счастья, кому борьба.
Я не знаю, почему это все так, каковы цели
Этой всеобъемлющей цепи причин / karmma / и следствий.
Не знаю, что будет потом, все - мрак
От начала до конца в этом мире; есть ли конец
Всемирной скорби, и вечная надежда -
Голод счастья - будет ли насыщен. О т м у д р е ц о в
Н е х о ч у я у з н а в а т ь т а й н у ж и з н и,
Я не хочу избавиться один от всеобъемлющего страха;
У меня один путь: тот, которым идут миллионы живых
существ"-
/ gati / т.е. н е з н а т ь тайну.

Скорбь смерти приходилось поэту испытать многократно, ибо жизнь его богата утратами. Когда он в 1902-ом году потерял жену, он вскоре после этого выпустил маленький сборник стихов / Sharan / [24] большей частью сонетов, дающих его ответ на вопрос об индивидуальной смерти тогда, когда он наиболее вплотную с нею встретился. Мы приведем несколько выдержек.

№ 5 "В моем доме нет ее, нет более:
Я ухожу и возвращаюсь, и не нахожу.
В моем доме, Владыка, так мало места.
Что в нем потеряно, уже не найти.

Бесконечен твой дом, всемирная обитель,
Владыка; я пришел ее искать у тебя.
Я стоял под твоим закатным небосклоном
Я смотрел на него в слезах.
Ни один образ, ни одно счастье, ни одна надежда, ни
жажда
Не могут потеряться у тебя -
К тебе принес я измученное мое сердце

26.

.....

В доме моем не нахожу уже аромата бессмертия,
Но в мире твоем вновь обретаю то утраченное прикосновенье."

№ 6 "Когда ты была в доме, ты звала меня домой
Своим нежным,сладким голосом.
Сегодня ты ушла в мир,
И в мир зовешь меня теми же словами.
Ты распахнула дверь моего дома,
И ее никто уже не закроет.
Ты указала мне царский путь вовне."

№ 19 "Безумец апрель, сколько раз в обличьи гостя,
С лютней в руке приходил со смехом к нашим дверям
И стучался в них.
Я занят был делом, и ты не давала ему ответа.
Теперь ты ушла, а он снова здесь, ведя южный ветер.
Но сегодня забыть о нем ни на миг я не в силах.
Он принес твои взоры, твою недосказанную речь.
В его лесном шелесте твои вздохи.
Я гнал его в дни счастья,
Твой уход привел его в мой пустой дом."

Еще яснее те же мотивы звучат в стихотворении на смерть ребенка / Šišu , 68/[25], в котором умирающее дитя обращается к матери:

"Я ухожу, мама, ухожу!
В рассветный час, на пустые руки,
Когда позовешь ты малютку,
Я скажу тебе: нет малютки,
Я ухожу, мама.

27.

Я с ветром стану ветром
И овею твою грудь,
Но ты не сможешь удержать меня рукой.
В воде я стану волной,
Но меня не узнает никто:
При купаньи я буду играть с тобою.

Когда в бурную ночь
Ты лежа вспомнишь меня,
Я зашумлю песней в соседнем лесу.
Когда через окно с тучи
Я блесну тебе молнией,
Вспомнишь ли ты мой смех?

Ты из-за меня, мама,
Многие ночи не будешь спать,
Я звездою кивну тебе: "спи!"
А когда ты уснешь,
Я лунным светом войду в спальню
И поцелую твои веки.
Сновиденьем войду я в окна глаз,
Навещу тебя, мама,
Войду в твой сон.
Проснувшись в тщетной надежде,
Ты захочешь меня обнять,
Но я исчезну, кто знает куда!"

У европейского поэта подобные идеи были бы восприняты как только поэзия, но здесь это религия. Если такое слияние умершей личности с миром на первый взгляд как будто бы противоречит

28.

его оценке личности, персонализму, то мы должны вспомнить, что ведь для Тагора то, с чем сливается здесь личность, не является безличным, что так называемая природа для него живое, личное, бесконечно любящее существо. Но поэтические искания Тагора все же на этом не кончаются. Отвергая все догматические теории бессмертия, он ищет для личности еще большего, чем такое слияние с личностью Всематери, но это искание останавливается перед неразрешимою тайной. Как возможно бессмертие и что оно может означать в лоне бесконечной личности - он об этом ничего не говорит, он лишь уверен вот в чем :

"Служение, что в жизни
Осталось недовершенным.
Знаю, ах знаю:
Оно не потеряно.
Цветы, что не расцвели
Падают на земь,
Реки, что в пустынях
Изошли струею -
Знаю, ах знаю:
Они не потеряны.
Все, что в жизни
Осталось в тени -
Знаю, ах знаю:
Все то не потеряно.
Что не сбылось,
Что не зачалось,
На твоей лютне /это к богу/
Звенит все то
Знаю, ах знаю:
Все то не потеряно / Gītāñjalī , no 147/.[26]

29.

7/ Свобода в неведомом

"Могут сказать, - говорит Тагор, - что подобная религия чересчур неопределенна и растяжима". Она действительно такова, но только потому, что она не тщится сковать бесконечное и приручить его для домашнего употребления.... Она столь же неопределенна, как утро, и столь же светоносна; она зовет наши мысли, чувства и действия к свободе и питает их светом. В /этой/ религии поэта нет ни доктрины, ни заповедей, - в ней есть лишь устремление всего нашего существа к истине, вечно раскрывающейся в бесконечном творении. В догматической религии на все вопросы дан окончательный ответ, все сомнения умирены. Но религия поэта текуча, подобно атмосфере вокруг земли, где играют в прятки свет и тени .... Она не берется привести кого-либо к прочим выводам и открывает бесконечные просторы света, потому что не ограждена стенами" /Creative Unity, p.16-17/.[27]

В стихотворении, посвященном этой же теме / Balākā, , № 30 - - 1914 г./,[28] поэт говорит:

Я паломник неведомого - вот мое блаженство:
Оно в вечной смене уз и свободы.
Как только и з в е с т н о е в свои сети
Меня уловит,
На помощь приходит неведомое, принося с собою
тревогу.
И в одно мгновенье спадают все оковы.

Неведомое - кормчий моей ладьи, неведомое -
мое спасение
С ним давно веду я дружбу .... /стр.80/

30.

8/ Откровение красоты

Но, могут спросить, что же это за религия - без всякого откровения ? Если Всематерь живое божество, оно должно вступить с нами в живое общение, оно должно отвечать нам, а не только выслушивать наши стихотворные хваления и мольбы. Такую возможность о т в е т а Тагор признает, только ответа непохожего на то, чему учат так называемые положительные религии. Единственное и достаточное по Тагору откровение нам - это к р а с о т а. Красота мира для Тагора менее всего случайное явление. Этот "пляшущий хоровод времен года, неуловимая игра светотеней, ветра и воды; пестрые крылья бродячей жизни, порхающей между рождением и смертью - их значение не в их существовании, как фактов, а в их языке гармонии, материнском языке нашей души, на котором они обращаются к нам"/Creative Unity, 6-7/.[29]

Глаза поэта видят: красота с такой неисчерпаемою щедростью рассыпана в мире; "на этом синем блюде мирообъемлющего небосвода нам подносятся такие чудесные яства" /Śāntiniketan, II, I6/[30]; "век за веком справляются бесцельные празднества; день за днем вестниками рыщут по небу световые лучи; ночь за ночью звезды во мраке повторяют свой призыв" /Śāntiniketan, XVI, 6-7/[30а]- вечный призыв всемирной любви.

Для того, чтобы воспринять это откровение божества, нет нужды ни в каких приемах общения с потусторонним, которые выработаны традицией догматических религий и оккультных систем. "Вы думаете, что я говорю о том оке, которое раскрывается в созерцании?" говорит поэт / Śāntiniketan, II, I7-I8/[30б]. "Нет, я говорю о нашем плотяном глазе. Кто осмелится опорочить наш плотяной глаз за то, что он плотяной? Кто ты такой, чтобы отвергать его телесность? Я утверждаю, что именно этими плотяными гла-

зами мы можем обрести последнее узрение." - "Ежедневно утренний свет, смывающий с наших глаз ночную дрему, говорит нам: смотри ясным взором, смотри чистым взором - так, как раскрывшийся лотос видит солнце - так смотри! Что ты увидишь? То, что достижимо лишь в созерцании? Нет не то, а то, что видно глазами - тот источник, из которого течет вечно неистощимый поток форм и красок!" / ibidem, 20/.

Мы раньше сказали, что Тагор поэт земли. Теперь мы сказали бы, что он поэт Красоты, если б это определение не казалось на первый взгляд бессодержательным, так как как будто объединяет всех поэтов. Но это не так; Тагор - поэт красоты в том смысле, что идея красоты как таковая играет основную роль в его поэтическом мировоззрении, что красота для него не абстрактный принцип, не какое-то обобщение, а лишь одно из проявлений, один из аспектов - в некоторых отношениях главный даже аспект - Всематери. Красота сама им персонифицируется в женском образе, но этот образ для него не только образ, ибо она то же для него, что душа мира. Если мир с одной стороны является ему матерью, то с другой стороны он же предстает ему в образе то небесной феи, то земной любимой женщины, в образе, который наполняется им столь живым содержанием, как и образ Матери мира. Стихотворение "Красота" / Citrā , I/,[31] главное выражение его культа красоты, гласит:

"В мире сколь многообразна ты,
О многоликая!
Мириадами светов сверкаешь ты в синем небе,
Страстным восторгом трепещешь в куще цветов;
В небе, по земле, бродишь легкой стопою -

32.

Своей колеблющейся походкой.

Болтливые запястья звенят в пустынном небе;
Аромат твоих прядей доносится в легком ветре,
В сладостной пляске в каждом движении расцветает
Сколько сладких мелодий!

Из скольких красок, из сколька злата сотканные
На сколько размеров, на сколько мелодий положенные
В скольких книгах сколькими голосами читаются
Твои бесчисленные повести!

В мире сколь многообразна ты,
О многоликая!
В душе одна ты царишь,
О владычица души.
Одна лишь мечта в упоенных влажных очах,
Один лотос на травяном ложе сердца,
Одна лишь луна на безграничном небе души,
А вокруг-вечная ночь.
Безбрежен в ней покой, велико бесстрастие;
Один лишь влюбленный совершает вечное служение,
Нет ни пространства ни времени, лишь ты - немигающий кумир,

Ты, бестрепетная молния!

Недвижно, глубоко величие молчания;
Прозрачна, бездонна влажных глаз синева,
Застывшая улыбка безгранична как заря,
О безмятежно улыбающаяся!

В душе одна ты царишь,
О обитательница души!" / р.2/

Здесь особенно важно отметить, что красота - единственная
"Луна на безграничном небе души,
А вокруг - вечная ночь!"

В самом деле, как мы говорили, для Тагора красота единственная благая весть н а м.

Эта красота - небесная дева, небесная возлюбленная.

...."В небесном саду
Безлюдный храм - в нем высится
Ложе из цветов, и в свете алмазных светилен
Сидит одинокая с недреманным оком,
Заворожившая мир Лакшми[x], сотканная из звездного
света дева;
Я поэт принес тебе гирлянду[xx]."
/ Citrā , 8-9/ 31а

9/ Жизнь

Если выше мы от образа земной матери поднялися к образу Всематери, то теперь Всематерь обернулась Красотою, и мы снова идем к воплощению ее в человеческом образе: образе возлюбленной жены. Если там промежуточной стадией была земля, то здесь окажется промежуточная стадия в воплощении, но ее уже труднее назвать одним определенным словом, столь же понятным сразу, как и "земля". Мы охотнее всего сказали бы: "муза", если б это слово не потеряло всякий смысл от злоупотребления им у нас.

---

x/ Богиня красоты и любви.

xx/ Знак любви.

34.

Лучше всего, может быть, назвать это легкое существо, неуловимо скользящее между грезой и действительностью, словом "Жизнь", в том примерно смысле, как это слово употребляет Ницше в одном месте Заратустры/Ш часть, предпоследняя глава: Das andere Tanalied : In dem Auge Schaute ich jüngst o Leben и т.д./; мы имеем в виду не жизнь вообще, индивидуальную жизнь, то, что можно было бы еще назвать - м о я ж и з н ь; это особого рода хранительница или родительница индивидуальной жизни, воплощение ее скрытого замысла, сопровождающая земную жизнь человека не только в этом его существовании, но связанная с нею и до его рождения и после его смерти. Это олицетворение красоты, но уже не красоты, как всемирной души, а неисчерпаемо-индивидуальной красоты - это вечно ускользающая цель жизненного странствия. Или точнее: это не д р у г а я красота, нежели красота мира - ибо тогда в религии поэта получилось бы каких-то два божества, получилась бы уже догматическая доктрина о личном составе божественного мира, что ему чуждо - а только индивидуальный аспект той же всемирной красоты; и если поэт вступает с нею в беседу, то эта беседа здесь протекает так же, как общение между личностью и Всематерью: человек обращается к ней, а она молчит, лишь вечно манит его вперед . Ибо это общение не отличается от того, вышеупомянутого, оно тождественно с ним, это другой аспект его же.

В большой поэме, помещенной в сборнике "Золотая Ладья" / Mānas Sundarī /,[32] он обращается к ней:

"О первая возлюбленная моей жизни,

.....

Когда в раннем детстве увидались мы впервые,

Еще полузнакомые? Ты была на этой земле дочкою соседей,
И с ветреным мальчиком
Земли какие игры вела ты,
Подруга; приходила смеясь на раннем рассвете
В облике маленькой девочки, в белом платье,
Едва омывшись в лучах зари,
С лицом, как свежераспустившийся цветок;
Едва успевал я проснуться - ты являлась, уводила
Меня в рощу собирать цветы. Сколько раз
Забывал я о своих уроках.
Отбросив книги, отобрав мел,
Ты показывала мне неведомый путь, освобождая
Из темницы классной комнаты; в безлюдьи вела меня
В неведомые мне части дома,[x]
На пустую крышу[xx], где под небом
Какие вели мы игры! Что за странные слова
Говорила ты! Я обо всем забывал, в волшебном изумлении,-
ты лишь знала их смысл.
. . . . . .
Затем повеяла весна жизни, проснулись новые надежды -
и вот ты снова встретилась мне, но теперь из детской
ты переселилась внутрь меня.
. . . .ты была спутницей игр -
Теперь стала обитательницей моей души,
Богинею - покровительницею жизни" /99/.

Мы не последуем дальше за течением этой поэмы, а отметим лишь,

---

[x] Речь идет о большом доме семьи Тагоров в Калькатте /см."Воспоминания"./

[xx] Разумеется плоская крыша того же дома.

36.

что в ней как и в других /Jhulan[33], Hrday - Jā͡muna /[34] мы имеем переход от религиозной к любовной лирике, но резкой грани между ними у Тагора не найдем. Его "Жизнь" есть уже образ почти совпадающий с образом земной любимой женщины, и, наоборот, образ возлюбленной для него поэтически вырастает в образ несколько более чем человеческий; это только отвечает всем его тенденциям, ибо его основная идея - это раскрытие бесконечного в конечном. Едва ли не полнее всего мотивы личной религии поэта раскрываются в стихотворении - "Бесцельное Странствие" / Sonār Tarī /.

IO/ "Бесцельное странствие"

Куда еще поведешь ты меня,
Прекрасная?
Скажи, к какому берегу пристанет твоя
Золотая ладья?

Когда я спрашиваю, о чужестранка,
Ты лишь улыбаешься, о сладко улыбающаяся!
Не понять мне, не узнать мне,
Что у тебя на уме.

Ты безмолвно лишь кажешь пальцем.
Безбрежный океан вздымается тревожно,
В дали на западе заходит солнце -
В углу неба.
Что там; и что мы,
Блуждая ищем?

Скажи мне, вопрошаю я тебя,

37.

Незнакомка,
Там, где догорает на берегу зари
Костер дня,

Где пылает вода жидким пламенем,
Где плавится небосклон -
Словно небесная жена точит слезы -

Не там ли обитель твоя,
У шумных волн, на берегу океана,
У подножья
Целуемой облаками закатной горы?
Ты улыбаешься, смотря мне в лицо,
Не говоря ни слова.

Гуля ветер непрестанно шлет
Долгие вздохи.
В слепом порыве грохочут волны моря.
Грозится чернотою океан -
Нигде не вижу берега;
Словно поток слез затопил мир
И колышется перед нами.

По нему скользит золотая ладья,
На него падают закатные лучи -
Почему же среди него ты улыбаешься
Молчаливой улыбкой?
Не понять мне, откуда это
Затаенное веселье.

Когда ты впервые спросила:
"Кто пойдет за мной?"

38.

Я взглянул лишь один раз в твое лицо
На рассвете.

Ты указала, протянув руку,
На востоке безбрежное море,
Где порхающий свет, как надежда,
Трепетал в воде.

Войдя в ладью, спросил я тогда,
Есть ли там новая жизнь,
Созревает ли там сон надежды
Златыми плодами?
Посмотрев мне в лицо, ты лишь улыбнулась,
Не сказав ни слова.

После того сколько раз собирались тучи,
Сколько раз выплывало солнце,-
Иногда море бурлило, иногда
Умирялось.

Кончается день, надувается парус,-
Ладья снова плывет вперед;
На западе склоняется солнце
За закатную гору.

Снова спрашиваю я тебя:
Есть ли там блаженная смерть,
Есть ли мир, есть ли сон,
На дне мрака?
Улыбаешься ты, подняв очи,
Не молвя ни слова.

Приходит ночь,

Раскрывая свои крылья;

На вечернем небе золотой блеск

Затмевая.

Слышно лишь

Твое благоухание,

Да немолчный плеск вод,

Да ветер развевает твои волосы,

Треплет их об мою щеку.

Замирает сердце, цепенеет тело;

И я зову тебя в темноте:

Есть ли сад смерти, владычица жизни,

Где молчание твое расцветает песнями?

Твоя улыбка светится в сердце тишины, как

звездный туман в ночи".

/ Sonār Tarī , 219;[35] Creative Unity, p.187

IУ. Критика шактизма и общественно-политические взгляды Тагора

Вышеизложенным мы менее всего исчерпали темы религии Тагора; мы только постарались оттенить те ее черты, которые читателю, знающему Тагора только на основании переводов, вряд ли могли быть достаточно известны. Мы очень многих вопросов не касались даже мельком; не говоря уже о том, что и каждый из поставленных вопросов требовал бы при детальном разборе особого исследования. Совершенно не касались мы и не собирались касаться также вопросов индивидуальной этики, хотя несомненно, что религия Тагора связана с известного рода этической системою. Мы отметим лишь

мимоходом, что отвержение Тагором аскетизма отнюдь не означает, разумеется, отказа от требования самоотвержения, но только ради любви, а не вопреки ей; самоотречение ради любви к другим является основной идеей этики Тагора. Может показаться, что эта идея не нова; это верно, но конкретная разработка ее Тагором придает ей новое содержание; но мы здесь на этом не можем остановиться.

Надобно сказать однако, что индивидуальная этика играет в мышлении Тагора меньшую роль, чем общественная. Вопросы общественной этики и политики, вопросы социальной педагогики занимают главнейшее место во всех практических размышлениях Тагора, и тем более в его практической деятельности. И здесь, в общественно-политической среде, Тагор выступает не только и даже не столько как творец, но и как критик. Мы остановимся вкратце на его политической критике, так как она существенным образом связывается с изложенным выше содержанием его религии.

Мы говорили в начале о древнеиндийской религии Всематери, с ее двумя ликами: благим, Аннапурны, и страшным Кали. Мы упоминали также о том, что страшный образ Кали для древнего человека означал богиню войны и кровавых жертвоприношений. Культ этой богини жив и поныне в Индии, но, наряду с официальным ее храмовым культом, богиня эта пережила за последние века поучительное превращение - она обратилась в богиню родины. Родина, национальная родина - понятия, чуждые древней Индии; неизвестно точно, когда они зародились, но отчетливую форму они приняли впервые много времени спустя после мусульманского завоевания Индии. Но вполне созрели они лишь в 19-ом веке, под двойным воздействием английского гнета с одной стороны, и проникновения в Индию европейских идей о нации - с другой. Бенгальский поэт и национальный

мыслитель Чатуджэ является автором знаменитого гимна к родине-матери, известного под наименованием Б а н д э М а т а р а м.[36] Гимн этот представляет собой с внешней стороны переработку типического старинного гимна богине Кали; и по существу также знаменует собой завершение помянутого процесса преображения богини в бенгальском сознании: она, оставаясь существом сверхчеловеческого порядка, является однако уже не столько всемирной богиней вообще, сколько олицетворением родины, как божества. В гимне этом встречается, как и подобает гимну древней богине войны, такие строки:

Грозен гул семидесяти миллионов голосов!
Дважды семьдесятью миллионами рук подняты
острые мечи!
Кто скажет, Мать, что ты бессильна?

Гимн этот сыграл громадную роль в бенгальской умственной и общественной жизни; с 1905 года, со времени бурного взрыва национализма, вызванного предпринятым было тогда и затем отмененным административным разделом Бенгалии, он стал своего рода бенгальской марсельезой.

Тагор, как это можно было усмотреть из предыдущего изложения, поклонник любящей матери; для него нет более неприемлемого образа, чем страшная кровожадная мать К а л и. Борьбе с нею в двух ее формациях: чисто религиозной и религиозно-политической посвящены два из главнейших его произведений. Драма "Бисарджан"- "Жертвоприношение"[37] в 90-х годах изображает трагедию трипурского царя Гобинды /17-й век/, попытавшегося отменить в Трипуре жертвоприношения. Роман "Дом и мир",[38] вышедший в свет в 1916 г., специально посвящен теме "Бандэ Матарам", критике современного индийского национализма. Он отверг индийский национализм, как воз-

рождение в новом обличии древнего культа кровожадной мощи, не освещаемой никакими другими идеалами.

Но критика относилась не только к индийскому национализму. Она в равной и в еще большей мере направлена была с самого начала и против империализма Европы и Америки. В ряде великолепных сонетов, написанных в 1900 г. и начинающихся словами:

Солнце столетия сегодня в красных тучах
Село; на празднике вражды звучит ныне
В звоне мечей безумная музыка смерти

/ no 64, Naibedya /[39] –

мы слышим отзвуки ведшихся тогда войн – англо-бурской, противобоксерской в Китае – войн, осветивших зловещим светом начало нового века.

Неудивительно поэтому, что поэт Тагор был одним из немногих сразу нашедших себя, когда грянул гром войны. Для него она не была неожиданной; и он не связывал с нею никаких иллюзий. В речах, произнесенных им в его школе в Шантиникетане при первых известиях о начале войны, он провозгласил, что эта война есть возмездие, постигшее европейский мир за накопившееся в нем вековое зло. "Грехи, говорил он тогда, не прощаются: они не могут прощаться, и унизительно просить об этом; грехи могут быть лишь смыты – но для смытия их нужны потоки крови и огненные дожди /Śāntiniketan, 17, 53/[40].

В большой поэме того же 1916 г., начинающейся словами: "Слышите ли вы – то грохот смерти вдали" поэт делает и дальнейший вывод[x] – о необходимости нового порядка вещей в мире, опытом вой-

[x] В 1916 году в знаменательных речах "Национализм", произнесенных в Японии, в самый разгар войны, он смело обличает всю идеологию войны; эти речи изданы в сборнике "Национализм".[41]

43.

ною. "Исчезни запас старых правд" - надо искать новые берега / Balākā , 93/.[42]

У. Тагор и Европа

Мы в начале упоминали о проблеме взаимотношения Тагора с европейской мыслью. Мы скажем теперь в завершение нашего изложения, что поэзия Тагора потому так радостно воспринимается европейским миром, что она[+]. . . .

Мы постараемся в нескольких словах теперь наметить те течения европейской поэтической мысли, которые объясняют, почему Тагор в основных идеях своего поэтического мировоззрения близок к современной Европе.

На заре I9-го века в германской, как "романтической", так и "классической" поэзии провозглашены были первые пароли наступившей эры пантеизма; серьезность ее первых веяний знаменуется той высотою, на которую Гете поставил Спинозу. Что Гете - пантеист, может считаться признанным /срв. речь Фауста к Гретхен о религии; стихотворение Die Weltseele и мн. др./; но не только этим он наложил печать на все последующее время: его вещие слова о"вечно-женственном" могут служить эпиграфом ко всем религиозно-поэтическим исканиям I9-го века. Из его современников два великих поэта, заслоненных его фигурою, по разному ищут тех же путей: Новалис, с его чрезвычайно своеобразной религией Земли, земных недр, полное раскрытие "индийского характера" которой чересчур отвлекло бы нас в сторону, и Гельдерлин / Hölderlin /, который в следующей выразительной формуле резюмирует искомый переход от традиционного теизма бога-отца к материнской религии природы:

" Ihr Innerstes - ist's nicht Er? (Hyperion).

+/В этом месте у автора пропуск.

То же соотношение доминирует и в наиболее совершенном откровении европейской души эпохи революции - гимне "К Радости" Шиллера, где " lieber Vater" является только деталью на грандиозном фоне материнской природы, чьи груди всех питают блаженством. Этот именно гимн уже неотъемлемо превращен девятою симфонией Бетховена в исповедание веры I9-го века.

Наиболее грандиозное творение Виктора Гюго - Легенда Веков - - открывается двумя великолепными гимнами Земле и Материнству. Первый, La Terre в следующих словах говорит о знакомой нам теме религиозного оправдания материи:

/французский текст см. ниже/+

Мы попытаемся в нескольких словах наметить теперь те течения европейской поэтической мысли, которые объясняют, почему Тагор в основных идеях своего поэтического мировоззрения близок современной Европе.

На заре I9-го века зарождение пантеистической религии в Европе знаменуется той высотою, на которую Гете поставил Спинозу. Что Гете - "пантеист", может считаться общепризнанным. Но не только в этом он наложил печать на все последующее время: его вещие слова о "вечноженственном" могут считаться эпиграфом ко всем религиозно-поэтическим исканиям I9-го века. Другим откровением европейской души был, например, гимн "К Радости" Шиллера, который девятою симфонией Бетховена уже превращен в символ веры нового века x/.

Остановимся теперь на двух столпах поэзии I9-го века - Шелли и В.Гюго. Наиболее грандиозный поэтический опус Гюго - Légende

---

+На этом отрывок статьи кончается. Ниже приводится полный текст, по-видимому, в более ранней редакции.

x/Замечательная формула.

45.

des Siécles- открывается двумя гимнами Земле и Материнству. Первый - La Terre - в следующих словах говорит о знакомой нам теме религиозного истолкования материи:

O grande nature sacrée!
Elle fut le berceau d'Adam et de Japhet,
Et puis elle est leur tombe; et c'est elle qui fait
Dans Tyr qu'aujourd'hui l'on ignore
Dans Sparte et Rome en deuil, dans Memphis abattu,
Dans tous les lieux où l'homme a parle, puis s'est tu,
Chanter la cigale sonore.
Pourquoi? Pour consoler les sepulcres dormants.
Pourquoi? Parce qu'il faut faire aux écroulements
Succéder les apothéoses,
Aux voix qui disent Non les voix qui disent Oui
Aux disparitions de l'homme évanoui
Le chant mysterieux des choses.x/43

Эта "таинственная песня вещей" - глубочайшая формулировка поэтического "материализма", который известен нам по Тагору. Также земля у Гюго и неистощимый источник откровения красоты:

Gloire au blanchissement nocturne des sommets!
Gloire au ciel bleu qui peut, sans s'épuiser jamais
Faire des dépenses d'aurore!x/44

Первое стихотворение , открывающее собою самую "легенду веков" является гимном женщине-матери, облеченным в форму своеобразного

---

x/ Две цитаты из: V. Hugo, La Légende des Siécles, Nouvelle série, Tome I. Paris, Calman Levy, éditeur, 1877, pp.27 et 29. (Л.Т.) Ср. также мысль близкую Тагору: La terre cache l'or et montre les moissons.

истолкования библейской повести об Адаме и Еве: Le sacré de la femme . В нем женщина - завершение и увенчание природы:

Comme si de ces fleurs, ayant toutes une âme
La plus belle s'était épanouie en femme.[x/45]

Женщина - plus auguste que l'homme и вся природа восторженно приветствует ее, как будущую мать.

Шелли - поэт ,чья глубокая родственность Тагору уже неоднократно отмечалась. Наивысшее выражение его поэтическая религия получила в его "Эпипсихидионе", где возлюбленная является в облике неземного существа, тайною водительницей жизни и, в особенности, в "Гимне Интеллектуальной Красоте", где отвержение всякого откровения Души Мира, кроме красоты, выражено в следующих словах:

No voice from some sublimer world hath ever
To sage or poet these responses given;
Therefore the names of Demon, Ghost and Heaven,
Remain the records of their vain endeavour,
Frail spells - whose uttered charm might not avail to sever
From all we hear and all we see,
Doubt, chance and mutability.
The light alone - like mist o'er mountains driven,
Or music by the night = wind sent
Through strings of same still instrument,
Or moonlight on a midnight stream, -
Gives grace and truth to life's unquiet dream.[xx/46]

---

x/ цитата из: V.Hugo, La Légende des Siécles, Première série. Histoire - Les petites épopées, Tome I. Paris, Michel Lévy-Hetzel et Cie, 1859, p.39 (Л.Т.)

xx/ цитата из: The complete poetical works of Shelley, Oxford, At the Clarendon press, 1904 - Hymn to Intellectual Beauty. (Л.Т.) Срв. Keats, Truth is beauty etc; Bendelain, La Beauté.

47.

Упомянутая нами "таинственная песнь вещей" перевоплотилась в живописи I9-го века в их зримое сияние. Истолкование Stilleben природы от пейзажей до яблоков на столе, в творчестве ряда французских художников, кончая Сезанном / Cézanne /, является могущественой попыткой понять вещество, как жизнь и оправдать его, как основную реальность мира. Но наиболее родственная Тагору фигура в живописи I9-го века это Сегантини с его культом материнства[x]. Чего стоит одна его картина "Две матери", где изображены корова с теленком и крестьянка с ребенком на руках. Более "индийской" и более "тагоровской" поэмы материнства мы не знаем; Сегантини - с его культом земли, с этим выразительно насторожившимся пейзажем /в картине "Смерть"/, этим загадочным безликим лицом природы, тайно приемлющей умершего.

По трактовке смерти, как и пантеизму[xx], знаменательно близок Тагору и Уитман, обратившийся к смерти с ласковым:

dark Mother.

Едва ли не все поэтические традиции I9-го века стекаются в творчестве Суинберна / Swinburne /, сознательного преемника Гюго, Шелли и Уитмана, величайшего провозвестника - в своих "Предрассветных песнях" - Mutterreligion в наше время. По его собственным словам " other books are books, Songs Before Sunrise are myself "[xxx].

Центральная поэма в этой книге - его Hertha / Mater dolorosa, Mater Triumphalis /, объединяющая в грандиозном синтезе идеи пантеизма /космотеизма/, божественного материнства и демократии. Дети Земли, нации, обращаются к земле / The Litany of Nations / со

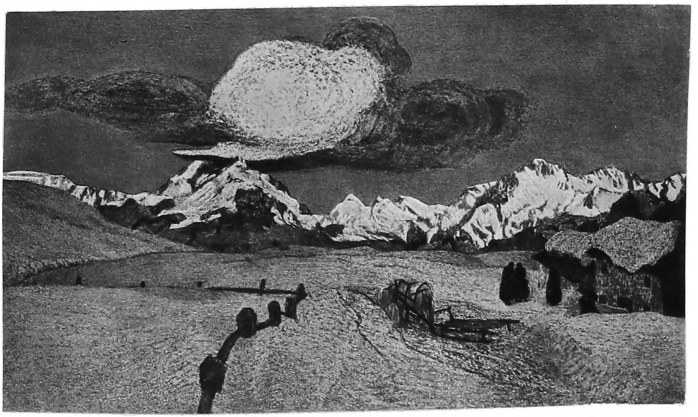
---

x/ Ср. его Dea christiana

xx/ См. его изложение системы Hegel'я etc.

xxx/ P. De Reul, L'oeuvre de Swinburne.

Дж. Сегантини - "Две матери"



Дж.Сегантини, - "Смерть".

48.

скорбным призывом:

We thy latter sons, the men thine after -birth,
We the children of thy grey - grownage, O Earth,
Thou that badest man be borne, bid man be free.
O mother , hear us. XXXX/47

Им отвечает, под именем Hertha, древнегерманская богиня Земли, сама мать-природа гимном, начинающимся следующими словами:

I am that which began;
Out of me years roll;
Out of me God and man;
I am equal and whole;
God changes, and man, and the form of them bodily;
48
I am the Soul

и обнимающий 40 таких же строф. Вот, что мы в нем читаем:

What is here, dost thou know it?
What was hast thou known?
Prophet nor poet
Nor tripod nor throne
Nor spirit nor flesh can make answer, but only the mother alone.

Mother, not maker,
Born, and not made;
Through her children forsake her
Allured or afraid

Мать эта не хочет культа, не ждет молитв; одного только она требует:

I bid you but be;
I have need not of prayer;
I have need of you free
As your mouths of mine air;
That my heart may be greater within me, beholding
the fruits of me fair.[x]

Точно также и идея Красоты, как основа новой религии получает в поэзии Суинберна подобающее место / Dedication, I876/. Но наиболее полное возрождение идеология Шелли обрела в поэзии современной голландской школы - Клооса, Перка и Фервея. В сборнике Mathilde гениального Жака Перка Красота является как δεινὴ θεός, — как мать музы и философии, как сила, "движущая сферами неба, как душа космоса". Его поэмы примыкают тем самым к наиболее прекрасному и возвышенному, что пели исчезнувшие поколения, к идеям и идеалам Платона... и к восторгам и преклонениям прекраснейшего гимна, который некогда наша общая Матерь нашептала смертному, - вечному источнику вдохновения и блаженства - бессмертному Эпипсихидиону"[xx].

Сонет δεινὴ Θεος/СУI/ Перка гласит:[xxx]

Mit weichblauen Augen sah die Unendlichkeit
Des Himmels nach dem flaum'gen Rosenglanz
Wo sie aufging; ein breit geflügelter Kranz
Von Seelen hat sich unter Ihr gereiht

---

x/ Цитата из: A.Ch. Swinburne /см. выше/ - Hertha, pp.82-92.

xx/ Мы даем его в немецком прозаическом переводе.

xxx/ Цитирую из предисловия Виллема Клооса /одного из трех видней-ших поэтов: Фервея, Клооса и Перка/ к посмертному изданию Матильды /I882/.

Ein Duft von Sommer-blüten begleit't
Den Sang der Sonnen - Tauben - die Ihr'n Glanz
Durchglühen in ehr'rbietigen Runde-Tanz
Um Sie,deren Lächeln Sphären eint und scheid't;

Schöncheit,o Du,deren Name geheiligt sei
Dein Wille geschehe,komme deine Herrschaft
Neben Dir anbete die Erde keinen andren Gott!

Wer einmal Dich gesehn,lebte genug:
Ob ihn der Tod zur selben Stund erreicht...
Was tut's ? Er hat genossen den höchsten Genuss!" [49]

Все названные мотивы культа Красоты,как религии нашего времени собраны вновь в триптихе Вячеслава Иванова "Прекрасное - Мило".

Нет,никогда тебя не волил Человек
С той страстной алчностью,с какой ты нас пленила,
Колдунья - Красота! И жду - великий век
В твой оттиск выльется из мощного горнила.

Не столько выпила пучина светлых рек,
Как древних чаяний душа похоронила.
Все изменило нам... Но ты - не изменила!
Тобой прозябло вновь,что Рока серп пресек.[x/]

Точно также и идея о неприемлемости других,кроме красоты видов откровения,нашла выражение в поэзии Вяч.Иванова,особенно в сонетах "Таит покров пощады тайну божью" /Cor Ardens,II/ и в стихотворении "Знамения" /Кормчие Звезды/,близко родственном "Бесцельному странствию".

Вяч.Иванов,провозгласивший "бессмертие" Бахофена /"По Звез-

---

x/ Вячеслав Иванов,"Прозрачность",Вторая книга лирики,Москва, Книгоиздательство Скорпион,1904,стр.98 (Л.Т.).

дам"/ был одним из главных последователей религиозно-поэтической школы Вл.Соловьева /к Блоку: "Затем, что оба Соловьевым

Таинственно мы крещены"/,

выдвинувшего на первый план идею Св.Софии, как нового хотя и древнего материнского божества /"в облике новом прекрасной богини вечная женственность . . . грядет"/. Однако конкретная разработка этих идей в ряде статей и в поэзии Вяч.Иванова, особенно в цикле сонетов "Материнство" в сборнике "Нежная Тайна" имеет в значительной мере самостоятельный характер, нас здесь не касающийся.

Но зато глубоко поучителен для нас тот аспект, который идеи Соловьева приняли в поэзии Блока. Мы имеем в виду то направление в истолковании "вечно-женственного", которое ведет от "Трех свиданий" и "Подруги вечного" Соловьева к "Прекрасной Даме" и "Незнакомке" Блока. Все эти образы /столь сродственные духу Шелли/ уже известны нам и в поэзии Тагора. Но если у европейских и русских поэтов они мелькают нам ослепительными отдельными вспышками, то в поэзии Тагора они живут привольно и легко, прочно коренясь в той почве, на которой они умирали с незапамятных времен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Книга Тита Лукреция Карра "О природе вещей" неоднократно переиздавалась. В последнем издании приводимая цитата находится на стр.75. См. Тит Лукреций Карр, О природе вещей. Перевод с латинского, вступительная статья и комментарии Ф.А.Петровского, М., 1958.

2. Avalon, Arthur; Bergaigne, Abel - европейские ученые конца XIX - нач.XX века, занимались изучением индийских религий.

Noble, Margaret (sister Nivedita) -англичанка, последовательница свами Вивекананды (индийский общественный деятель конца XIX в., религиозный реформатор), автор ряда исследований о религиях Индии.

Отдельные работы указанных авторов имеются в библиотеке ЛО ИНА АН СССР.

3. "Воспоминания" (Jīvansmṛti) См. Ravīndra - racanāvalī, saptadaś khaṇḍa, Kalikātā, 1954. Неоднократно переводились на русский язык. Первый перевод с бенгали сделал М.А.Тубянский. См. "Воспоминания", Л., 1927. См.также Р.Тагор. Сочинения, т.1, М., 1957.

4. Naibedya, № 30. См. Ravīndra-racanāvalī, aṣṭam khaṇḍa, Kalikātā, 1954, pṛṣṭh 30.

Gītāñjalī № 73. См. Ravīndra-racanāvalī, ekādaś khaṇḍa, Kalikātā, 1951, pṛṣṭh 59-60.

5. "Отшельник" (Prakṛtir pratiśodh) См. Ravīndra-racanāvalī, pratham khaṇḍa, Kalikātā, 1957.

Р. Тагор. Сочинения, т.6, М., 1957.

5а. Māyābād (сборник-Sonar tarī). См. Ravīndra-racanāvalī, tṛtīya khaṇḍa, Kalikātā, 1957, pṛṣṭh 141.

53.

6. Шантиникетан, вып.XII (Śāntiniketan). См. Ravīndra-racanāvalī, pañcadaś khaṇḍa, Kalikātā, 1951, pṛḥ 488.

7. Naibedya, № 89. См. Ravīndra-racanāvalī, aṣṭam khaṇḍa, Kalikātā, 1954, pṛḥ 67-68.

Gītāñjalī, № 95. См. Ravīndra-racanāvalī, ekādaś khaṇḍa, Kalikātā, 1951, pṛḥ 74-75.

8. Малини. (Mālinī). См. Ravīndra-racanāvalī, caturtha khaṇḍa Kalikātā, 1945, pṛḥ 154-155. Sacrifice and other plays by sir Rabindranath Tagore, London, 1918.

9. Caturanga. (См. Ravīndra-racanāvalī, saptam khaṇḍa, Kalikātā, 1953, pṛḥ 484-485).

9a. Имеется новое издание этой книги. Ajitkumār Cakravartī, Ravīndranāth, Kalikātā, 1946.

10. Dhūli (сборник - Citrā) См. Ravīndra-racanāvalī, caturtha khaṇḍa, Kalikātā, 1945, pṛḥ 114.

11. Ātmasamarpaṇ (сборник - Sonār tarī). См. Ravīndra-racanāvalī, tṛtīya khaṇḍa, Kalikātā, 1950, pṛḥ 145.

12. Этой цитаты в бенгальском оригинале обнаружить не удалось.

13. Puraskār (сборник - Sonār tarī), pṛḥ 125.

14. Balākā, № 24. См. Ravīndra-racanāvalī, dvādaś khaṇḍa, Kalikātā, 1952, pṛḥ 46.

15. Земля (Vasundharā), в сборнике - Sonār tarī См. Ravīndra-racanāvalī, tṛtīya khaṇḍa, pṛḥ 131-136.

16. Puraskār (сборник - Sonār tarī), pṛḥ 125.

17. Vasundharā (сборник - Sonār tarī), pṛḥ 138-139.

54.

I8. "Литература Хинаяны" В.П.Васильева не опубликована. Рукопись хранится в Архиве АН СССР. Фонд 775, оп.I, ед.хр.5. (Примечание П.Е.Скачкова).

I9. Daridrā (сборник - Sonār tarī), См. Ravīndra-racanāvalī, tṛtīya khaṇḍa, pṛḥ I44-I45.

20. Akṣamā (сборник - Sonār tarī), pṛḥ I44.

2I. Yete nāhi diba (сборник - Sonār tarī), pṛḥ 49-55.

22. Durlabh janma (сборник - Caitāli). См.: Ravīndra-racanāvalī, pañcam khaṇḍa, Kalikātā, I955, pṛḥ I5.

23. 4Воспоминания". См.: Ravīndra-racanāvalī, saptadaś khaṇḍa, pṛḥ 424. Р.Тагор, Сочинения, т.8, М., I957, стр.I57-I58.

23a. "Воспоминания". См.Ravīndra-racanāvalī, saptadaś khaṇḍa, pṛḥ 424. Р.Тагор, Сочинения, т.8, М., I957, стр.I57.

24. Smaraṇ. См.: Ravīndra-racanāvalī, aṣṭam khaṇḍa, Kalikātā, I954. № 5 - pṛḥ84; № 6 -pṛḥ 85; № I9 - pṛḥ93.

25. Vidāy (сборник - Śiśu). См. Ravīndra-racanāvalī, navam khaṇḍa, Kalikātā, I946, pṛḥ56-57.

26. Gītāñjalī № I47. См.: Ravīndra-racanāvalī, ekādaś khaṇḍa, Kalikkātā,I95I,pṛḥ II5.

27. Creative Unity by Rabindranath Tagore, London, I922, p.I6.

28. Balākā, № 30. См.: Ravīndra-racanāvalī, dvādaś khaṇḍa, Kalikātā, I952, pṛḥ52-53.

29. Creative Unity by Rabindranath Tagore, London, I922, p.6-7.

30. Śāntiniketan,II. См.: Ravīndra-racanāvalī, trayodaś khaṇḍa, Kalikātā, I952, pṛḥ 482.

30a. Śāntiniketan, XVI. Ṣoraś khaṇḍa, Kalikātā, I954, pṛḥ 454.

55.

30в. Śāntiniketan, II, pṛḥ 483-484.

31. Citrā (сборник - Citrā). См. Ravīndra-racanāvalī, caturtha khaṇḍa , Kalikātā, 1945, pṛḥ 21-22.

31а. Jyotsnārātre (сборник - Citrā), pṛḥ 27.

32. Manassundarī (сборник - Sonār tarī). См. Ravīndra-racanāvalī, tṛtīya khaṇḍa, Kalikātā, 1957, pṛḥ 65-77.

33. Jhulan (сборник - Sonār tarī), pṛḥ 93-97.

34. Hṛday-jamunā (сборник - Sonār tarī), pṛḥ 97-99.

35. Niruddeś yātrā (сборник - Sonār tarī), pṛḥ 150-151.

36. Бандэ матарам (Bande mātaraṁ) - стихотворение, написанное классиком бенгальской литературы Банкимчандра Чаттопадхьяем, и включенное им в роман "Обитель блаженства" (Ānandamaṭh, 1882). Р.Тагор сочинил музыку к этому стихотворению.

Bande mātaraṁ на русский язык перевел М.М.Тубянский. См.: Индийский национальный гимн (Bande mātaraṁ). Перевод с бенгальского М.Тубянского с пояснительной заметкой, - "Восток", кн.II, Петроград, 1923, стр.3-4.

37. "Жертвоприношение". (Visarjan). См.: Ravīndra-racanāvalī dvitīya khaṇḍa, Kalikātā, 1956. Р.Тагор, Сочинения, т.2, М., 1962.

38. "Дом и мир" (Ghare-bāire). См. Ravīndra-racanāvalī, aṣṭam. khaṇḍa, Kalikātā, 1954. Р.Тагор, Сочинения, т.3, М., 1956.

39. Naibedya, № 64. См. Ravīndra-racanāvalī, aṣṭam khaṇḍa, pṛḥ 51-52.

40. Śāntiniketan, XVII. См. Ravīndra-racanāvalī, ṣoraś khaṇḍa, Kalikātā, 1954, pṛḥ 494.

41. "Национализм". Перевод М.Я.Колубовского и М.М.Тубянского,

56.

Петроград, " Academia", 1922.

R.Tagore, Nationalism, London, 1917.

42. Balākā, № 37. См. Ravīndra-racanāvalī, dvādaś khaṇḍa, Kalikātā, 1952, pṛṣṭh 60-64.

43. Привет тебе, земля!. . . .

. . . . . .

Она взаперстила Вас, Адам и Каифет,

Потом взяла себе; и стерла Тира след

Без размышления и пощады.

Что Спарта ей и Рим? Мемфис лежит в камнях,

И там, где род людской шумел на площадях,

Теперь звенят одни цикады.

Зачем? Чтоб мирно спал тот, кто в гробницу лег.

Зачем? Чтоб после всех крушений и тревог

Апофеоз был воздаянием,

Чтоб вслед сказавшим "нет!" шли те, кто скажет "да!".

Вещей великое молчанье.

(Примечание Л.И.Тубянского).

44. Привет снегам вершин в полночной тишине,

Привет лазури дня и небу в вышине,

Где зори вечны и прекрасны!

Две цитаты из гимна "Земля" в переводе Вс.Рождественского. См.Собрание сочинений Виктора Гюго, Гос.изд.Художественной Литературы, М.1956, том.XIII, стр.307-308 (Примечание Л.И.Тубянского).

45. Если бы цветы имели душу,

То самый прекрасный расцвел бы в женщине.

46. Поэты,мудрецы в небесности прозрачной
Искали голоса,но в небе - тишина,
И потому слова - Эдем и Сатана -
Есть только летопись попытки неудачной.
Нельзя им властью заклинать,
Нельзя из наших душ изгнать
Сомнения,случая,печали мрачной.
Одно сиянье Красоты,
Как снег нагорной высоты,
Как ветер ночи,сладко спящей,
Что будит чуткую струну
И грезит музыкой звенящей,
Из жизни делает весну
Дает гармонию мучительному сну.

Цитата из "Гимна духовной Красоте" в переводе К.Бальмонта.См. Сочинения Шелли в переводе К.Бальмонта,Изд.Книжное дело,М.,1898, в.5. (Примечание Тубянского Л.И.).

47. Мы - твои последние сыны,мы рождены после тебя.
Мы - дети твоих седых древних годов,о Земля.
Ты,которая молила:"Да будет рожден человек",моли:
"Да будет человек свободен".
О мать,внемли нам.

48. Я - начало.
Из меня проистекают годы.
Из меня - бог и человек.
Я - единая и всеобъемлющая.
Бог меняется,человек тоже.
Их формы телесны.
Я же - душа.

58.

48а. Что здесь? Знаешь ли ты это?
Что вообще ты знал?
Ни пророк, ни поэт,
Ни треножник, ни трон,
Ни дух, ни плоть не могут дать ответа, одна только мать.
Мать, но не творец,
Рожденная, но не сотворенная;
Через нее дети покидают ее,
Зачарованные или боящиеся,
Творящие молитвы богу, созданному ими; она не снисходит
до их просьб.

48в. Я прошу об одном: живите.
Мне не нужны молитвы.
Я хочу, чтоб вы были свободны,
Чтоб мое дыхание не слетало с ваших уст.
Пусть мое сердце наполнится гордостью при виде моих
прекрасных созданий.

49. Очами нежно-голубыми взирала бесконечность
Неба на опушенное сиянье роз
Там, где она всходила; большой венок крылатый
Из душ сочетался под ней.

Благоухание летних цветов сопровождает
Пение солнца - голуби, - что сиянье его
Пронизывают накалом в благоговейной дозоре, - танец
Вкруг него, улыбка коего сферы и объединяет и разделяет.

59.

Красота,о ты,имя которой да святится,
И воля твоя исполнится,да придет царствие твое
И с тобой наряду да не будет молиться земля никакому
богу другому!

Кто хоть раз увидел тебя - пожил достаточно,
Пусть даже смерть настигнет его в тот же час...
Что делать ? - Он вкусил наивысшее блаженство!

Во втором четверостишии от перевода пострадало скрытое значение слов - по-немецки солнце женского рода! (Перевод и примечание Д.Е.Бертельса).